

Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences

Commission on Folk Law and Legal Pluralism, International Union
of Anthropological and Ethnological Sciences

Russian Association
of Indigenous Peoples of the North

CUSTOM AND LAW
Studies in Legal Anthropology

Editors:
N. I. Novikova and V. A. Tishkov

«Strategy» Publishing House
Moscow – 2002

Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук

Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму
Международного союза антропологических и этнологических наук

Ассоциация коренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока

ОБЫЧАЙ И ЗАКОН
Исследования по юридической антропологии

Ответственные редакторы:
Н. И. Новикова, В. А. Тишков

Издательский дом «Стратегия»
Москва – 2002

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
БИОЛОГО-РЕСУРСНОЙ БАЗЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ БИОРЕСУРСАМИ
В ТРАДИЦИОННОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРА**

К. Б. Клоков

Традиционное природопользование на Севере – это исторически сложившееся и, как правило, экологически сбалансированное использование коренными народами биологических ресурсов дикой природы тундры, тайги и прибрежных акваторий арктических морей. Оно носит комплексный характер и включает в различных сочетаниях: северное оленеводство, охотничий промысел, морской зверобойный промысел, промысловое рыболовство, сбор дикорастущих полезных растений, а также изготовление различных традиционных изделий.

Традиционное природопользование может быть источником денежного дохода, но в основе своей ориентировано не на максимальную прибыль, а на личное и семейное потребление, оно базируется на традиционных ценностях, специальных навыках и комплексном знании местной природной среды и распределяет конечную продукцию через традиционные системы обмена, то есть среди обширной группы родственников и друзей. Эти особенности позволяют считать такое природопользование экологической основой жизнеобеспечения и устойчивого развития северных народов.

В настоящее время система традиционного природопользования северных народов России переживает социально-экономический кризис, который возник в результате одновременного действия трех неблагоприятных факторов:

1. Обострение противоречий между традиционным образом жизни коренных народов и социально-экономическим укладом доминирующего общества, которое началось несколько десятилетий назад в связи с хозяйственным освоением Севера.

2. Свертывание или резкое снижение в последние годы темпов освоения северных территорий («уход с Севера»), вызвавшее так называемый системный кризис во всех регионах Крайнего Севера России, но особенно на северо-востоке страны.

3. Спровоцированное реформами резкое ухудшение условий функционирования всего агропромышленного комплекса страны, что крайне обострило действие двух первых факторов в традиционных отраслях северного хозяйства.

Наиболее болезненно на жизни коренных северных народов сказывается кризис в *оленьеводстве*.

Общее поголовье северных домашних оленей в Российской Федерации с 1991 по 2001 год сократилось в два раза. Из трех крупнейших очагов крупнотадного оленеводства — североευропейского, западно-сибирского и северо-восточного — больше всех пострадал последний (Чукотский и Корякский АО, Магаданская область). Сокращение поголовья здесь можно назвать катастрофическим: 1981 г. — 880 тыс. гол., 1991 г. — 779 тыс. гол., 2000 г. — 166 тыс. гол.

Обвальнй характер имеет падение численности домашних оленей также в Республике Саха (Якутия) и по всей таежной зоне Арктического бассейна. Тенденция такова, что в большинстве районов таежное оленеводство через несколько лет, вероятно, исчезнет совсем.

На Европейском Севере оленеводческое хозяйство также переживает сложный период, но поголовье оленей снизилось здесь не так сильно (1981 г. — 368 тыс., 1991 г. — 392 тыс., 2000 г. — 313 тыс.).

Только на севере Западной Сибири — в Ямало-Ненецком АО — общее поголовье домашних оленей за годы реформ выросло: 1981 г. — 363 тыс., 1991 г. — 490 тыс., 2000 г. — 501 тыс. Более детальный анализ показывает, что значительный рост численности домашних оленей здесь имел место только в двух тундровых районах — Ямальском (в 1981 г. — 135,7 тыс., в 1991 г. — 175,3 тыс., в 2001 г. — 205,8 тыс.) и Тазовском (соответственно, в те же годы: 76,3 тыс., 130,9 тыс., 165,4 тыс.). Это связано с тем, что тундровые ненцы, даже в период планового совхозного производства, сохраняли стойкие традиции частного оленеводства. Как в прошлом, так и в настоящее время здесь наиболее высока доля оленей, находящихся в личной собственности оленеводов (в Ямало-Ненецком АО она в 1,7 раза выше, чем в среднем по Российской Федерации). Однако рост поголовья оленей на Ямале и Гыдане опасен с экологической точки зрения, так как оленеємкость пастбищ там уже сейчас значительно превышена.

Производство товарной продукции резко сократилось и в *промысловых отраслях* традиционного природопользования. Это связано с двумя основными причинами — удорожанием транспорта, особенно,

авиации, снегоходов и бездорожных машин, и почти полным прекращением заготовительной деятельности государственных предприятий. Одновременно сильно возросла роль потребительского использования биологических ресурсов: охота на копытных, боровую и водоплавающую дичь и вылов рыбы для собственного пропитания на ближайших к поселкам территориях. В условиях хронического безденежья такое природопользование стало основным условием выживания жителей Севера. Фактически происходит возврат к традициям натурального промыслового хозяйства.

Сильно сократились заготовки промысловой пушнины, что, кроме указанных выше причин, связано также со снижением цен на шкурки диких зверей и ростом стоимости боеприпасов и другого охотничьего снаряжения. Почти обесценились шкурки белого песца, из-за чего большая часть охотничье-промысловых участков в тундре заброшена. Цена беличьей шкурки стала близка к стоимости патрона. Рентабельной для охотников остается только добыча соболя, хотя и здесь их доходы сильно понизились.

Из-за отсутствия кормов, сырья и средств для выплаты заработной платы была закрыта большая часть северных звероферм, а также мастерских по пошиву меховых изделий и изготовлению сувениров.

В условиях сокращения общего объема добычи ресурсная база охотничьих животных, морских млекопитающих и промысловых рыб на Крайнем Севере сохраняется в целом в устойчивом состоянии. Важным следствием сокращения домашнего оленеводства сделался рост численности диких северных оленей, которые стали занимать освобождающиеся от домашнего оленя за последние годы выросла почти вдвое, и сейчас ее численность превышает 1 миллион голов¹. Теперь это самая крупная в мире популяция дикого северного оленя.

В то же время в ряде других районов численность диких копытных, лося и северного оленя, стала, наоборот, сокращаться из-за усилившейся и неконтролируемой потребительской охоты.

В жизнеобеспечении коренного населения нескольких десятков поселков, расположенных на морском побережье северо-востока страны, чрезвычайно повысилась роль *морских биологических ресурсов*. В связи с резким снижением денежных доходов, сокращением поголовья домашних оленей и отсутствием других продуктов мяса морских млекопитающих и рыба стали не только основными, но порой и единственными источниками питания для многих семей коренного населения. Часть жира и мяса тюленей, моржей и китов даже вывозится на вездеходах оленеводам в тундру, чтобы, по возможности, уменьшить забой и сохранить поголовье домашних оленей. На Чукот-

ке идет возрождение почти уже забытых традиционных способов добычи морских млекопитающих, прежде всего охоты на серого кита с вельботов и моторных лодок. В советский дореформенный период добыча китов велась с китобойного судна. Теперь их снова стали добывать сами коренные жители. Этим промыслом на Чукотке сейчас занимается 49 предприятий и организаций различных форм собственности, в которых работает до 350 морских охотников. Добыча с каждым годом увеличивается. В 1997 году морскими охотниками Чукотского полуострова было добыто 77 серых китов, а в 1999 году уже 122 серых и 1 гренландский кит. Лимит, установленной Международной китобойной комиссией для нужд коренного населения Чукотки на 1999 год, составлял 140 серых и 5 гренландских китов, а общий размер возможной добычи китообразных — примерно 2 тыс. тонн.

Таким образом, возрождение морского зверобойного промысла позволяет в основном решить проблему занятости и продовольственного обеспечения коренного населения Восточной Чукотки.

Для *рыболовства* реформы выразились в том, что была разрушена целостная и достаточно эффективная система административного управления промыслом, воспроизводством рыбных запасов и переработкой продукции.

Как и в охотничьем промысле, увеличение затрат на добычу и перевозку рыбы привело к тому, что промысел сконцентрировался на наиболее ценных видах (осетр и полупроходные сиговые — нельма, муксун, чир, пелядь и др.), причем в местах, где требуются минимальные транспортные затраты — то есть на магистралях крупных рек. Практически прекратился лов рыбы на притоках, а также на удаленных озерах, откуда раньше рыбу возили самолетами и вертолетами. Сильно сократился вылов менее ценных видов рыбы (налим, частичковые рыбы), которые в прошлом в некоторых северных районах составляли до 30 до 50 % улова. В то же время ресурсы ценных рыб местами находятся в напряженном состоянии. Так, в результате интенсивного браконьерского лова на крупных реках Арктического бассейна (Обь, Енисей, Лена) оказались под угрозой запасы осетра. Стало уже трудно поймать взрослого осетра, чтобы получить икру для разводимых целей.

В результате разукрупнения промысловых хозяйств в несколько раз увеличилось число организаций различных форм собственности, которые получают официальные разрешения на вылов лимитируемых видов ценной рыбы. Это сильно усложнило работу рыбинспекции.

Официальный учет уловов перестал отражать действительную картину. На самом деле товарной рыбы вылавливается значительно больше, чем это предусмотрено лимитами.

Отсутствие у предприятий денег для выплаты зарплаты, а также развал оленеводства и других отраслей комплексного хозяйства привел к значительному росту вылова рыбы местным населением для собственного потребления. Выросло злостное браконьерство, когда рыба ловится без разрешения не для собственного потребления, а для коммерческих целей.

В районах промышленного освоения, особенно в Западной Сибири, старение нефте- и газопроводов приводит к увеличению числа аварий и загрязнению рыбопромысловых водоемов. Нарушилась работа рыбозаводных предприятий.

Не миновал кризис и морское рыболовство. За годы реформ общий объем вылова рыбы и морских беспозвоночных сократился примерно в два раза. Если в 1990 г. морепродуктов было выловлено 7 млн. тонн, то в последние 3 года их вылавливается примерно по 4 млн. тонн².

Однако к проблемам традиционного хозяйства имеет отношение только небольшая часть морского рыболовства. Это, во-первых, прибрежный лов, который ведут жители приморских поселков с лодок и небольших судов. Во-вторых, в районах Дальнего Востока на традиционное хозяйство местных жителей сильно влияет состояние ресурсов дальневосточных лососей. Поскольку это проходные рыбы, их промысел ведется как в открытом море с больших и малых промысловых судов, так и местным населением в лиманах и реках во время нерестовой миграции. При этом интересы коренного населения оказываются в противоречии с интересами крупных рыбодобывающих предприятий, владельцев морских судов и рыбоперерабатывающих заводов. При распределении квот на вылов дальневосточных лососей происходит много конфликтов.

Рассмотрим состояние ресурсов дальневосточных лососей более подробно. Обитая в северной части Тихого океана, эти рыбы являются объектом промысла сразу нескольких стран: России, США, Канады и Японии. Уловы тихоокеанских лососей в нашей стране состоят в основном из горбуши (37 %), кеты (30 %) и нерки (20 %). В небольшом количестве добывается кижуч, чавыча, сима. При этом в разных регионах преобладают разные виды. Например, на Чукотке в Анадырском лимане добывается в основном кета, а в Майнопольгино — нерка³.

Численность лососей подвержена колебаниям с периодом около 60 лет, связанным с многолетними переменами климата. Механизм этой связи не совсем ясен. По-видимому, основная причина колебаний — влияние на продуктивность океанических экосистем изменений температурного и ветрового режима и океанических течений. Изучение зависимостей между климатом и уловами делает возможным предсказывать изменения численности лососей в будущем. Отмечено,

что колебания численности азиатских и американских популяций лососей происходят с небольшим сдвигом по фазе: волны изменения численности азиатских лососей на 5-6 лет отстают от американских⁴.

Максимальная численность азиатских популяций наблюдалась в 1930-е годы, когда их уловы достигали 500-600 тыс. тонн. В 1970-е годы наступила депрессия и уловы снизились до 200 тыс. тонн. В 1980-е годы уловы снова стали расти, и следующий максимум наступил в 1990-е годы. За последние годы намечилось очередное снижение уловов.

В американских популяциях (которые по фазе колебаний обгоняют наши) это снижение началось еще несколько лет назад. Там за последние 4 года уловы снизились почти в два раза. Таким образом, в ближайшее время можно ожидать дальнейшего сокращения уловов дальневосточных лососей и на северо-востоке России.

Правда, в отличие от предыдущей депрессии, сейчас значительно увеличился выпуск мальков лососей из рыбозаводных заводов, расположенных главным образом в Японии. В азиатских популяциях лососи искусственного воспроизводства составляют теперь до 40-50 %. Можно ожидать, что по этой причине численность лососей снизится меньше, чем в 1970-е годы. Однако как не странно, увеличение численности рыб далеко не всегда приводит к увеличению уловов. При неблагоприятных условиях среды рыба растет медленнее, а значит и в уловы попадает большее количество мелкой рыбы. Поэтому разведение рыб не решает проблемы полностью, вес уловов все равно может сильно сократиться.

Понятно, что в условиях депрессии придется строго ограничивать вылов лососей, чтобы не подорвать их промысловые запасы. Это значит, что коренному населению придется активно бороться за защиту своих интересов при сокращении квот вылова.

Таким образом, мы подошли к вопросу об *управлении биологическими ресурсами* в традиционном природопользовании.

Эффективное использование ресурсов лежит в основе любой экономической стратегии. Вопрос о том, как сбалансировать их воспроизводство и потребление в традиционном природопользовании, остается основной проблемой устойчивого развития хозяйства коренных народов Севера. При ее решении необходим поиск компромисса между тремя в значительной степени противоречащими друг другу целями: возможно более полное сохранение культурных традиций, максимальный экономический эффект и наибольшая сохранность природных экосистем.

В настоящее время можно выделить три крайних подхода к расстановке приоритетов между этими целями.

Первый, экологический (позиция «зеленых»), основан на принципе минимального вмешательства в природу. Согласно этому подходу,

за живой природой (и, в первую очередь, за теплокровными животными) должно быть признано право на жизнь независимо от того, отвечает это или нет интересам отдельных групп населения. Традиционные формы хозяйства коренных народов, связанные с лишением жизни большого числа животных, в условиях современности рассматриваются как варварство, против которого необходимо вести борьбу.

Исходя из этого сторонники экологического подхода призывают увеличивать на Севере количество заповедных территорий, охраняемых видов животных и растений, ужесточать режим контроля за соблюдением экологического законодательства. С их точки зрения, использование биоресурсов должно быть минимизировано, а наиболее грубые формы их добычи, нарушающие установки экологической этики (в ее европейском понимании), необходимо исключить полностью. В частности, некоторые международные соглашения налагают запреты на способы добычи животных, причиняющие им длительные страдания, а также вводят ограничения на торговлю различными видами продукции охотничьего промысла. Среди запрещенных способов оказались и ногозахватывающие капканы — один из самых распространенных типов ловушек, которые используют коренные жители Севера России на пушном промысле.

Второй подход, бывший особенно популярным в дореформенной России, рассматривает охрану биологических ресурсов как необходимое условие их рационального использования. Система природопользования оптимизируется на основе, главным образом, количественных критериев, таких, как максимум продуктивности или минимум затрат при сохранении заданного уровня экологической надежности. Этические категории и другие подходы, заимствованные из сферы гуманитарных наук, при этом игнорируются. Максимальный приоритет получает экономическая эффективность, причем критерии оптимальности устанавливаются исходя из общегосударственных или региональных интересов. Этнокультурные ценности национальных меньшинств или вообще не принимаются во внимание, или же выражаются в стоимостных показателях. Это, как правило, приводит к занижению оценок, так как понятно, что по объемам производства и его экономической эффективности традиционное хозяйство не может сравниться с добывающей промышленностью и транспортом, на которых основано современное освоение Севера.

Третий подход акцентирует внимание на правовом аспекте проблемы. Его сторонники считают оба первых подхода одинаково некорректными по отношению к коренному населению, которое имеет приоритетное право само решать все вопросы природопользования на своих землях. В основе этого права лежит понимание справедливо-

сти, а не эффективность использования ресурсов или выгода для большинства населения. В отличие от «зеленых», абсолютизирующих права дикой природы, они справедливо полагают, что права животных при любых условиях не могут превышать прав аборигенного населения. Последнее в течение многих веков также составляло органическую часть северных экосистем, но плюс к этому выработало еще и свою собственную экологическую культуру. Нормы отношения к природе в аборигенной культуре отличаются от норм экологической этики европейцев, но последние не имеют права навязывать коренным жителям свою культуру и мировоззрение.

Для реализации третьего подхода на практике нужно, чтобы коренное население в достаточной степени сохраняло традиции, которые регулируют его отношения с миром дикой природы. Это условие, конечно, далеко не всегда выполняется, но даже если традиции утрачены, потомки коренных народов могут иметь большую, по сравнению с представителями доминирующего общества, восприимчивость и большую способность понимания родной природы. Постольку поскольку традиционное северное природопользование не может оказать существенного влияния на глобальные экологические процессы, отношения коренных этносов со своим кормящим ландшафтом можно рассматривать как их внутреннее дело. Если местные биоресурсы будут истощены, пострадают от этого, в первую очередь, сами коренные жители⁵.

Возражения против последнего подхода связаны, во-первых, с возможным ущемлением прав пришлого, некоренного населения, проживающего в северных районах. Очевидно, что его интересы также нельзя игнорировать. Во-вторых, в некоторых, хотя и редких, случаях традиционная охота все же способна нанести существенный ущерб биоразнообразию в глобальном масштабе. Например, среди объектов традиционной охоты коренного населения Арктики можно обнаружить ряд видов птиц, занесенных в Красную книгу. Значительный ущерб отдельным популяциям может нанести потребительская охота в запрещенные сроки. В ряде случаев природопользование остается традиционным только формально и служит прикрытием для «узаконенного» браконьерства.

Существующие в России в настоящее время природоохранное законодательство и система государственного регулирования использования ресурсов животного мира лишь в небольшой степени учитывают реальные интересы коренного населения Севера. Согласно существующим правилам охоты и рыболовства, почти всех коренных жителей северных регионов следует считать нарушителями «браконьерами».

Другая проблема связана с тем, что на практике часто остается неясным, кто и каким образом способен выражать подлинные интересы коренных народов при управлении биоресурсами. Соответствующие процедуры в России не разработаны и формально не определены. В результате аргументация защитников приоритета коренных народов часто используется не только и даже не столько в интересах этих народов. Ее берут на вооружение представители регионов для борьбы против центра за перераспределение полномочий по управлению природными ресурсами. При этом интересы коренных меньшинств умышленно не разграничиваются с интересами некоренного большинства населения северных регионов. Фактически происходит спекуляция на интересах коренных народов в экологической сфере.

Выработать некоторый компромиссный подход, объединяющий положительное содержание всех трех перечисленных выше, можно с помощью процедур согласования интересов, в ходе которых сторонники противоборствующих позиций, уступая друг другу, могут быть удовлетворены за счет частичного осуществления своих принципов.

Традиционность хозяйства, будь то рыболовство, охотничий промысел или домашнее оленеводство, подразумевает применение накопленного данным этносом исторического опыта не только в материальной культуре и технологии, способах добычи, приемах выпаса и т.п., но и в управлении ресурсами. Как показал зарубежный и отечественный опыт, на практике государства стремятся привести традиционное природопользование в соответствие со своими идеалами, установить за ним контроль. Хозяйства коренного населения стихийно противятся этому, стремясь сохранить свои традиционные формы, не обращая внимания на соображения экономической эффективности или экологической этики.

Государственный подход базируется на законах, формальных правилах и инструкциях, принятых управленческими структурами различных уровней. Его информационное обеспечение связано с формализованными каналами сбора, накопления и интерпретации данных, не всегда адекватных действительному положению вещей. Система управления имеет иерархическую структуру и действует на основе бюрократических методов. При этом различные виды ресурсов одного и того же природного комплекса (промысловые рыбы, охотничьи животные, олени пастбища, леса и др.) находятся в ведении различных управленческих подразделений.

Традиционный подход отличается отсутствием бюрократизма, упрощенной иерархией, действительностью неписаных правил, социальных норм и религиозных запретов. Знания накапливаются и обоб-

щаются непосредственно в процессе использования ресурсов, неотделенном от процесса управления.

В конкретных условиях традиционное регулирование природопользования может быть значительно эффективнее государственного. Его основным минусом в настоящее время стало нарушение механизма передачи традиционных знаний, навыков, правил и норм поведения от старшего поколения к младшему.

При этом ни традиционная, ни государственная система уже не защищают биоразнообразие. Государственные службы не имеют достаточного влияния на пользователей ресурсами из числа коренных жителей. Коренные жители не могут получить гарантированный доступ к ресурсам без соответствующих санкций государственных служб. От объединения усилий этих систем выиграли бы обе стороны⁶.

Основой для интеграции двух подходов является их общая цель — и тот, и другой направлены на сохранение и преумножение природных ресурсов, хотя и ищут для этого разные пути. Различия заключаются не только в технологических приемах, но прежде всего в общем стиле решения проблем, в разных ценностных ориентациях. Построенные на противоположенных и взаимодополняющих принципах, они могут успешно сочетаться, значительно повышая устойчивость системы природопользования в целом. Такое объединение получило название *ко-менеджмента* биологическими ресурсами.

Ко-менеджмент, конечно, не приводит к идеальной модели управления биологическими ресурсами, свободной от всяких противоречий. Тем не менее он помогает создать эффективный механизм, позволяющий коренному населению отстаивать свои права и интересы в сфере природопользования.

Он представляет собой систему мер, выработанных в результате соглашения между имеющими соответствующие полномочия правительственными агентствами и представителями различных групп пользователей биоресурсами, включая в данном случае, в первую очередь, коренные северные народы. Основная идея ко-менеджмента заключается в интеграции двух подходов к управлению ресурсами: «западного», основанного на государственном управлении и научном знании, и аборигенного, традиционного⁷.

Широко известен опыт применения ко-менеджмента на Аляске и на Севере Канады при управлении ресурсами китообразных и промысловых рыб и популяциями карibu⁸. В Канаде режимы совместного управления возобновимыми природными ресурсами с участием коренного населения создавались для различных целей и при разнообразных обстоятельствах и к настоящему времени установлены по всей территории страны⁹. Все они, за исключением двух случаев (до-

говора, заключенного в 1975 г. по заливу Джеймс Бей и Соглашения по Северному Квебеку), действуют не более 10–15 лет, однако за это время уже успели показать свою эффективность. В Скандинавских странах на сходных принципах построена система управления домашним оленеводством саамов, хотя сам термин «ко-менеджмент» там не используется¹⁰.

В России последовательного использования такого подхода еще не было, что связано с общим низким уровнем самоорганизации коренных народов и консервативностью природоохранных государственных служб.

В последние годы инициативы по формированию системы ко-менеджмента появились на восточной Чукотке. Там в рамках совместных российско-американских проектов организован мониторинг популяций морских млекопитающих, который ведут наблюдатели из коренного населения приморских поселков — морские охотники эскимосы и чукчи. Данные мониторинга передаются в международные комиссии и используются для обоснования квот на добычу серого и гренландского китов и моржей коренными народами Чукотского полуострова. Это уже дало существенные практические результаты. Благодаря проведенным за последние годы наблюдениям, квоты для коренных народов были значительно увеличены.

Традиционное природопользование играет важнейшую роль в жизни коренных этносов. Достижение паритета в вопросе управления биоресурсами фактически означает для них основу этнической автономии. Как показывает опыт стран, где проблемы управления биологическими ресурсами совместно коренными народами и государством в значительной степени решены, путь к этому решению был постепенным и состоял из ряда последовательных этапов. Р. Белл¹¹ на примере канадского Севера выделяет в этом процессе семь уровней или этапов.

Первые два из них соответствуют положению, когда все существенные вопросы управления ресурсами решаются государственными органами, что отражает реалии Северной Канады несколько десятилетий тому назад и современной России. На первом уровне интересы коренных жителей не учитываются вообще, а на втором — их учет носит формальный характер.

Система мониторинга, организованная морскими охотниками Восточной Чукотки, соответствует третьему уровню, на котором традиционные знания и опыт коренного населения активно используются благодаря контакту административных органов с пользователями ресурсов в процессе разработки проектов решений. Для перехода к четвертому уровню нужно, чтобы организации местных пользователей биоресурсами (кооперативы морских охотников Восточной

Чукотки) были официально признаны участниками разработки проектов решений.

Последний, седьмой уровень совместного управления, предполагающий законодательно регламентированное принятие совместных решений и делегирование общинам коренных жителей значительных полномочий по управлению в районах их проживания ресурсами обитающих там животных и дикорастущих растений, можно рассматривать как конечную цель развития систем ко-менеджмента.

Оценивая возможности ко-менеджмента в северных регионах России, нужно учитывать, что традиционные установки, которые ограничивали нагрузку на природу в прошлом и были основаны на единстве хозяйственной и культурной жизни коренных народов, сейчас во многих местах ослабели или вообще перестали действовать. Тем не менее полностью заменить их государственным регулированием нельзя — это означало бы лишить традиционное природопользование возможности развиваться, адаптируясь к современным условиям. Разумное разграничение ролей и сфер деятельности при управлении биологическими ресурсами в районах проживания коренных народов необходимо везде. С этой целью надо законодательно разделить компетенции государства и самодеятельных органов, представляющих интересы коренного населения в сфере природопользования. Должен быть выделен некоторый круг проблем (например, вопросы управления местными биоресурсами), в который государственные службы уже не вмешиваются, а все вопросы решаются коренным населением.

Конкретный механизм взаимодействия между коренным населением и государственными органами зависит от вида ресурсов и условий района. В России формирование систем ко-менеджмента для основных видов биологических ресурсов (включая промысловых рыб, морских млекопитающих, животных и оленьи пастбища) может быть начато в рамках специальных научно-исследовательских проектов, в которых коренные жители участвовали бы вместе с учеными в разработке рекомендаций государственным органам, ответственным за управление отдельными видами биоресурсов.

Для управления биологическими ресурсами в системе ко-менеджмента основополагающее значение имеют *традиционные экологические знания*, сокращенно — ТЭЗ (эквивалент английского термина «traditional ecological knowledge — ТЕК») ¹². Этот термин применяют для обозначения знаний об окружающей среде, проистекающих из опыта традиционного природопользования определенной группы коренного населения, или — в более широком смысле — всех жителей данного региона, чьи образ жизни и практическая деятельность тесно связаны с использованием ресурсов живой природы. ТЭЗ не включают знания

коренных жителей, полученные в результате специального образования или путем самообразования (из книг, газет, телепередач и др.).

Как было отмечено Всемирной конференцией «Наука — XXI веку», состоявшейся в Будапеште в 1999 году, знания традиционных обществ представляют огромную ценность. Они не только содержат информацию, неизвестную современной науке, но и выражают альтернативные ей способы восприятия окружающего мира, другие отношения между человеком и природой. Необходимо защитить эту разнообразную и хрупкую часть мирового культурного наследия от процессов глобализации знания, от доминирования единственной точки зрения на окружающий мир, которая поддерживается современной наукой. Тесная связь науки с другими системами знания должна принести обоюдную пользу ¹³.

Для ТЭЗ характерны преимущественно качественные оценки, фиксация трендов, вариаций, экстремальных и необычных событий, а также условий, в которых произошло то или иное событие, в отличие от количественных оценок, измерений или определений средних значений каких-либо экологических параметров, на которых основана большая часть научных подходов. Коренные жители имеют возможность наблюдать за многими природными явлениями гораздо чаще, в течение более длительных периодов времени и в большем количестве мест, чем это могут делать ученые, время и место полевых работ которых обычно весьма ограничено. В этом отношении ТЭЗ и научные методы экологических наблюдений хорошо дополняют друг друга.

ТЭЗ общины коренного населения можно рассматривать как одно целое мозаичное знание, составленное из опыта ее отдельных членов, каждый из которых занят определенными видами традиционного природопользования ¹⁴.

Можно выделить следующие пять основных категорий ТЭЗ.

Фактические знания о природной среде. Сюда входят, во-первых, эмпирические наблюдения отдельных людей (охотников, рыбаков или оленеводов и др.) — конкретные факты из жизни природы, для каждого из которых может быть указано место и время, во-вторых, сделанные этими людьми обобщения собственных наблюдений за определенный временной промежуток.

Знания о природопользовании (охоте, рыболовстве и др.) — местах, сроках, способах и количестве используемых ресурсов в настоящее время или в прошлом.

Ценностные ориентации и моральные императивы, регулирующие экологическое поведение коренного населения данного региона.

Космологические представления о природе и месте в ней человека, возникшие на традиционной мифологической основе ¹⁵.

ТЭЗ могут использоваться не только в ко-менеджменте. Они представляют и самостоятельную ценность для разработки новых концептуальных подходов к устойчивому развитию. Кроме того, они незаменимы при оценке воздействий на окружающую среду, так как люди, выживание которых зависит от местных условий, могут определить действительную цену потерь или выгод от реализации какого-либо проекта лучше, чем приезжие специалисты.

С точки зрения коренных жителей утрата одного из основных природных ресурсов, как правило, не измеряется только в экономических терминах. С ней связаны также потери традиционных методов природопользования, традиционных знаний, определенных форм кооперации между членами общины. Нередко такие потери ставят под угрозу целостность общины, или же нарушают символическую реинтерпретацию ее связей с кормящим ландшафтом. Так, по данным французских исследователей¹⁶, основанным на свидетельствах членов одной из общин индейцев Кри в Северном Квебеке, культурное измерение ценности биоразнообразия, утраченного в результате строительства там крупной гидроэлектростанции, кроме прямых потерь, выразившихся в уменьшении рыбных запасов и загрязнении водоемов, состояло еще и в следующем:

- часть рыбных ресурсов перестала быть доступной для Кри, так как были разрушены или подверглись существенным изменениям места, наиболее удобные для традиционного рыболовства;
- социальные связи в общине значительно ослабели в связи с утратой наиболее продуктивных мест рыбалки, служивших одновременно местами встреч, совместной деятельности членов общины, дележа полученного улова и ценностей;
- произошла потеря традиционных знаний, составлявших существенную часть культурного наследия;
- были утрачены символические отношения индейцев Кри, возникшие вследствие близости людей к животным.

Способы изучения и организации ТЭЗ достаточно полно разработаны и апробированы зарубежными специалистами, накопившими в этом вопросе значительный опыт¹⁷. Они отмечают, в частности, что необходимо четко различать:

- фактические ТЭЗ, основанные на непосредственных наблюдениях, которые могут быть проверены;
- выводы или гипотезы, которые могут быть доказаны или отвергнуты в процессе исследования;
- ценностные ориентации и нормативные экологические установки, которые необходимо учитывать при управлении ресурсами, оценке наносимого общинам ущерба и в других случаях.

Чтобы ТЭЗ не выглядели как случайное нагромождение противоречивых и принципиально непроверяемых фактов, субъективных суждений и некорректных выводов (какими их нередко считают специалисты-экологи), они должны быть правильно зафиксированы, соответствующим образом протестированы и представлены в удобной для понимания и привычной для ученых форме¹⁸.

Остановимся на этнокультурных аспектах управления традиционным природопользованием на основе ТЭЗ.

Отношение человека к другим народам строится, в целом, на тех же принципах, что и его отношение к природе. Поэтому корни современного экологического кризиса и кризиса отношений между «западной» цивилизацией и коренными народами одни и те же. Рассматривая окружающий мир утилитарно, как средство для достижения своих целей, современное общество распространяет этот подход как на природу, так и на другие народы.

«Западный» антропоцентризм тесно связан с этноцентризмом, с идеей о том, что западная цивилизация единственная, достойная носить название цивилизации. Важное следствие этой связи состоит в том, что наши отношения с культурами коренных народов не смогут претерпеть решительных изменений без параллельного решительного изменения наших отношений с природой. Этот тезис встречается не только у лидеров коренных народов, но и у многих западных авторов, подчеркивающих, что этноцид и экоцид – две стороны одного и того же процесса¹⁹.

Позиция, прогнвоположная этно- и антропоцентризму, подчеркивает уникальный характер и ценность культур коренных народов. «Каждая этническая группа, – пишет Ж. Рейчел-Долматов, миссионер, более 25 лет проработавший с американскими индейцами, – в каких бы условиях она ни развивалась, всегда была вынуждена сама искать решение основных жизненных проблем, таких, как питание, жилье, отдых, создание семьи, воспитание детей, социальная ответственность, охрана здоровья. Равным образом это всегда касалось и трансцендентальных проблем: божественного и святого, смерти и потустороннего мира, принципов добра и зла, наказания и вознаграждения. Все это богатство человеческого опыта, основанного на тысячах различных духовных и материальных путей развития, мы обесценили, применив к нему слово «примитивный». Причем сделали это, исходя, главным образом, из технологии и низкого уровня экономического дохода в обществе... Вместо стремления к контакту и обмену, считается, что нам нечему учиться у индейцев»²⁰. Таким образом, глубокому пониманию традиционных культур представителями доминирующего общества препятствуют, в первую очередь, этно- и антропоцентрические установки их собственной культуры.

Все национальные культуры считают, что их система интерпретации мира лучшая, более реальная, чем другие. Вера в то, что одни интерпретации «высшие» по отношению к другим ведет к непониманию и конфликтам. Культура каждого общества включает свой особый путь познания природного окружения и отношений между человеком и природой. Это верно, в том числе, и для западной науки, которая сама есть продукт особых исторических условий и культурных традиций. Несмотря на мощь и широту распространения, современная система научного знания остается лишь одной среди многих других традиций получения знаний об окружающем мире. Поэтому те, кто рассматривает западную модель природопользования и управления ресурсами биосферы как научную, а значит, и единственно верную, игнорируя ее культурный контекст (то есть этническую картину мира, принципы социальной организации, отношений власти и др.), находятся в заблуждении²¹.

Взгляд на природопользование северных этносов в аспекте культуры показывает, что ТЭЗ представляют собой нечто гораздо большее, чем книга рецептов, регулирующих отношения человека с его природным окружением. Способ, которым мы концептуализируем природу, и пути, которыми мы управляем своими отношениями с миром природы, обнаруживают большую часть проблемы «кто мы есть». Традиционное природопользование действительно выражает экологическую культуру традиционного общества, отличную от «западной» и позволяющую строить стратегии устойчивого развития, исходя из другого культурного контекста, нежели это делает «западная» экология²².

Таким образом, мы можем понять, как происходит управление биологическими ресурсами в природопользовании коренных северных народов исходя не только из отдельных элементов ТЭЗ и системы хозяйства, но также из социальной организации этноса и его этнической картины мира.

Эта точка зрения прямо противоположна имевшим до недавнего времени широкое распространение взглядам на традиционные формы природопользования как на отсталые, а на ТЭЗ как на «примитивную» экологию.

Понимание традиционного природопользования в контексте различных культурных традиций — сложная задача, требующая объединения усилий экологов и гуманитариев. Изучение культурного контекста традиционного природопользования северных народов показывает, что управление биологическими ресурсами в нем, в отличие от «западных» моделей природопользования, не принадлежит исключительно к сфере научной мысли и практики. Это часть интегрального целого, объединяющего способы познания, восприятия ок-

ружающего мира и образа жизни. Представления о том, как устроен мир, формируют отношения коренных народов с их природной средой и сами формируются на основе этих отношений. Система связей этноса и ландшафта в большей степени продукт культуры, а не просто отдельных наблюдений за природой. Сочетая символические и эмпирические знания, каждый из коренных северных народов вырабатывает свое уникальное представление о природе, которое, оставаясь частью его традиционной культуры, входит и в систему природопользования.

Признание того, что современная «западная» наука в целом и научные основы управления биологическими ресурсами северных территорий, в частности, культурно обусловлены, стало вызовом для многих специалистов-экологов и политических деятелей в области охраны природы Арктики. Этот подход требует признать, что могут существовать и принципиально другие точки зрения на проблемы природопользования и устойчивого развития. Согласиться с этим — значит, сделать важный шаг на пути к более полному пониманию ценности традиционных культур, составляющих богатство мирового культурно-экологического наследия.

В заключение приведем конкретный пример участия коренного населения нашей страны в системе совместного управления биоресурсами. Он касается береговых чукчей и эскимосов Восточной Чукотки, традиционное природопользование которых основано на морском зверобойном промысле. Инициатором движения к совместному управлению ресурсами морских млекопитающих выступило первое самостоятельное предприятие коренных жителей Чукотки — «Наукан».

Кооператив «Наукан» был создан в поселке Лаврентия (центр Чукотского района) в 1987 году. С 1991 года он является национальным смешанным товариществом (НСТ). Его основная деятельность — морской зверобойный промысел и вылов рыбы, обеспечение коренных жителей поселка продуктами традиционного питания. В 1991 году товарищество заключило с Правительством района Северного Склона штата Аляска и Департаментом управления биологическими ресурсами этого же района договор на выполнение работ по наблюдению за миграциями гренландских китов в водах морей, омывающих Чукотский полуостров. Причем Правительство Северного Склона выступило в качестве заказчика, финансирующего работы.

Начав работать над чисто научным проектом, стороны скоро увидели, что значение их совместной деятельности выходит далеко за рамки решения этой, хотя и очень важной для коренного населения, конкретной задачи. Уже на следующий год наличие у «заказчика» и «исполнителя» общих интересов в этой области послужило основанием

для заключения более развернутого Совместного соглашения по изучению миграций гренландских китов в Чукотском и Беринговом морях. В дальнейшем круг проблем продолжал расширяться и цели стали принимать все более социальный характер.

Поскольку киты, в том числе и обитающие в Северной Пацифике, занесены в международную Красную книгу, их промысел строго регламентируется специальной Международной китобойной комиссией (МКК). Квоты на добычу выделяются только при условии строгого соблюдения природоохранного законодательства и промысловой отчетности. В соответствии с требованиями МКК аборигенная охота на китов допускается только при проведении регулярных научных исследований, результаты которых должны периодически представляться в комиссию. Отсутствие достаточных научных исследований до последнего времени препятствовало России в получении даже очень небольшой квоты на право аборигенной добычи гренландского кита. В годы реформ долго не проводились и полномасштабные исследования по серому киту, что вызвало серьезные претензии МКК к России при выделении квот на его добычу. Возникла реальная угроза полного запрета этого промысла международной комиссией. В то же время общее ухудшение финансирования научных исследований в стране не оставляло надежд на конструктивное решение проблемы в ближайшие годы²³.

Выход был найден самими морскими охотниками НСТ «Наукан», которые при поддержке американских коллег взяли за развитие системы экологического мониторинга морских млекопитающих Северной Пацифики на основе использования традиционных знаний. Совместный проект наметил целый ряд задач. Основной из них была организация сети наблюдательных пунктов, в которых морские охотники — чукчи и эскимосы — осуществляли регулярное наблюдение за миграциями морских млекопитающих. Первым объектом наблюдения были гренландские киты, информация о которых была в наибольшем дефиците и в первую очередь требовалась для обоснования выделения квот.

Необходимо было установить наличие и характер весенней миграции гренландских китов вдоль берегов Чукотского полуострова, выяснить идут ли киты к мысу Барроу на Аляске или остаются в российских водах. Кроме того, важно было определить, как далеко на юг проходят гренландские киты во время осенней миграции в Беринговом море вдоль российских берегов и каковы возможности их питания в этот период. Охотники во все времена наблюдали этого морского гиганта и даже охотились на него, но им никогда не приходилось заниматься систематическими наблюдениями и подсчетом количества китов. Теперь же данные, собранные наблюдателями «Наукана», позволили научно обосновать квоту добычи гренландского кита.

С 1995 года в рамках сотрудничества были поставлены более широкие задачи по укреплению взаимодействия «Наукана» с другими национальными предприятиями Чукотского района и Обществом эскимосов Чукотки «Юпик», а также по возрождению традиций морского промысла, в значительной степени уже утраченных. Были организованы поездки морских охотников на Аляску для обмена опытом организации промысла морских млекопитающих и знакомства с деятельностью общественных организаций по защите интересов коренного населения штата. В рамках проекта Правительство Северного Склона оказало коренным жителям Чукотского района также существенную техническую помощь.

Для организации наблюдений на северо-восточном побережье Чукотского полуострова от села Нешкан на севере до Лорино на юге была создана цепь наблюдательных пунктов. Кроме постоянных наблюдений с береговых точек, фиксировалась также информация от охотников, наблюдавших животных с вельботов в ходе промысла. В качестве наблюдателей были подобраны опытные потомственные морские охотники, хорошо знающие и море, и поведение китов. С каждым из них НСТ «Нешкан» заключило письменный договор. По условиям проекта итоги наблюдений ежемесячно переводились на английский язык и направлялись в Департамент управления биологическими ресурсами Северного Склона. Каждый наблюдатель получил для работы должностную инструкцию, методическое пособие по определению китообразных, журнал наблюдений, радиостанцию, бинокль, руль-мотор, палатку и другое необходимое снаряжение. Кроме коренных жителей в проекте участвовали научные консультанты-биологи. В программу были включены и культурные мероприятия, которые проводились на базе краеведческого музея в Провиденции.

В целом эта работа сыграла большую роль в сближении коренных жителей Чукотки и Аляски, научила чукотских зверобоев по-новому смотреть на свою роль в управлении ресурсами морских млекопитающих. Была создана уникальная, не имеющая аналогов в мире сеть наблюдательных пунктов, на которых работают коренные жители. Техническая помощь укрепила материальную базу морского промысла, дала возможность охотникам возобновить традиционные методы добычи серых китов. Проект стал важным шагом в возрождении национальной культуры китобойного промысла, способствовал сохранению и употреблению традиционного лексикона и послужил толчком для изготовления традиционных орудий морского промысла.

Здесь необходимо напомнить, что добыча серого кита всегда была существенной частью охотничьей культуры Восточной Чукотки. Постепенная утрата этой культуры началась после запрета традицион-

го промысла кита с байдар, сделанных из шкур морского зверя. Это объяснялось опасностью такого промысла, который стал осуществляться со специального китобойного судна «Звездный». Совхозы платили большие деньги за его аренду, а полученное мясо не отдавали местным жителям, а продавали или использовали на зверофермах. Люди получали минимум китового мяса, мантака и другой традиционной продукции. В период реформ затраты на судовой промысел настолько возросли, что совхозы вынуждены были прекратить его вовсе. Оставшись без необходимых для жизни в местных условиях продуктов, коренные жители стали требовать возобновления охоты на серого кита с байдар и вельботов. В 1994 году они получили квоту на 140 серых китов, однако их радость была омрачена гибелью охотников из Нунлиграна при попытке добычи кита с байдары. К этому времени в поселках оставалось очень мало людей старшего поколения, способных обучить молодежь охоте с гарпуном и огнестрельным оружием. Несколько опытных стариков-охотников осталось в Лорино, которое и стало центром возрождения забытых традиций. Лоринские охотники также не избежали трагической ситуации, когда кит ударом хвоста разбил их вельбот и с трудом удалось спасти рулевого²⁴.

Первое время китов добывали самыми примитивными средствами, используя самодельные пики, буи, гарпуны и маломощные скорострельные винтовки. На добычу каждого кита требовались десятки и сотни патронов и затрачивалось много времени. Это противоречило нормативам МКК, которая заботится о том, чтобы смерть животных наступала достаточно быстро. Теперь использование более мощных моторов, специально изготовленных больших алюминиевых лодок и американского огнестрельного оружия типа «датинган» коренным образом изменили обстановку на промысле, который стал эффективным и безопасным. Очередной задачей сделалось распространение полученного опыта на другие районы Чукотки, а также освоение ресурсов гренландского кита, который значительно крупнее серого, но ведет себя во время охоты гораздо более спокойно.

Коренные жители Чукотки участвуют в мониторинге не только китов, но и других морских млекопитающих. В Чукотском союзе морских зверобоев создано три комиссии: по китам, моржам и белым медведям²⁵. Белый медведь, так же как и киты, является строго охраняемым «красно-книжным» видом. Добиться открытия на него аборигенной охоты вполне реально, так как численность медведей уже давно держится на высоком уровне, однако для этого необходимо серьезное научное обоснование.

Мониторинг тихоокеанского моржа должен поставлять достоверную информацию о добыче животных как в Российской, так и в Аме-

риканской частях Пацифики, что практически невозможно без активного участия самих охотников. Кроме того, использование их знаний дает возможность сократить до минимума дорогостоящие авиаучетные работы.

В 1980-е годы в России мониторинг моржа осуществлялся учеными и работниками морзверобойных инспекций со специальных судов, однако экономические трудности периода реформ привели к его прекращению. Недавно он возобновился на новой основе, с активным использованием традиционных экологических знаний коренного населения.

В 1999 году в Барроу председатель НСТ «Наукан» Михаил Зеленский и председатель Общества эскимосов Чукотки Людмила Айнана заключили соглашения по мониторингу добычи тихоокеанского моржа с органами управления биологическими ресурсами штата Аляски, которые осуществили финансирование работ. Были поставлены четыре основных задачи:

- включить охотников на моржа Чукотского и Провиденского районов в программу управления ресурсами и предоставить им возможности обучения;
- документировать количество моржей, которые добываются в прибрежных поселках этих районов;
- выяснить возрастную и половую структуру добытых животных;
- установить количество подраненных и ушедших моржей.

Все наблюдатели получили соответствующие инструкции и рабочие документы и стали представлять ежемесячные отчеты о добыче моржей через районных координаторов. В результате стали поступать данные по динамическим изменениям структуры популяции тихоокеанского моржа, произведена оценка истинных размеров добычи и промысловых потерь. В частности, было установлено, что официальные отчеты добывающих предприятий содержали заниженные примерно на 20 % данные о количестве добытых моржей²⁶.

Не вызывает сомнений, что совместная работа коренных жителей Чукотки и Аляски способствовала тому, что чукчи и эскимосы стали более эффективно защищать свои интересы в сфере традиционного природопользования и перед администрацией Чукотского автономного округа. Так, 16 февраля 1995 года инициативная группа из семи морских охотников Чукотского и Провиденского районов написала обращение ко всем морским охотникам Чукотки с предложением создать самостоятельную организацию морских охотников. «За нас никто не будет решать, мы сами должны подумать о сохранении древнейшей культуры морского промысла, который считается в настоящее время не основным видом производства, а вспомогательным

к клеточному звероводству и оленеводству. А ведь морской промысел является основой жизни, культуры и языка береговых жителей Чукотки. Мы должны сохранить себя как самобытный народ и передать потомкам опыт традиционного образа жизни»²⁷.

В марте 1998 был созван Первый съезд морских зверобоев Чукотки и образован Союз морских зверобоев Чукотки. Союзом были разработаны «Принципы партнерства между администрацией автономного округа, организациями и ведомствами РФ и Союзом морских зверобоев Чукотки», которые были подписаны генеральным директором Союза и губернатором округа.

Такое взаимодействие позволило выделить основные направления поддержки морского промысла со стороны администрации округа на перспективу и определить конкретные финансовые и организационно-технические меры на первом этапе. Прежде всего речь шла об оснащении оружием и боеприпасами. Уже в 1998 году поставка оружия была проведена адресно для 36 бригад Чукотского, Провиденского и Иультинского районов. Впоследствии Союзом совместно с главным специалистом Департамента сельского хозяйства Э. В. Здравом был создан банк данных о состоянии морского зверобойного промысла в районах округа, о его материально-технической базе, количестве добываемого зверя, участии в промысле охотников, организовано регулярное поступление оперативной информации, необходимой для управления промыслом²⁸.

Другими важными мероприятиями были приобретение партии специальных алюминиевых лодок для китобойного промысла и оборудования для переработки продукции, подготовка проекта Закона о морском зверобойном промысле и разработка Программы развития морского зверобойного промысла в округе. Надо отметить, что принятый окружной Думой 3 февраля 1999 года закон получил название «О государственном регулировании морского зверобойного промысла в Чукотском автономном округе». Хотя такое название, по-видимому, отразило желание окружной Думы утвердить в вопросах управления традиционным природопользованием примат государства, по своему содержанию закон реально способствует сохранению промысловых традиций, уклада жизни и культуры коренного населения береговых чукчей и эскимосов.

В соответствии с этим законом коренным жителям должно быть предоставлено исключительное право на добычу китообразных, право применения традиционных методов добычи, приоритетное право на выбор промысловых угодий, а также льготы в отношении сроков, районов, полового и возрастного состава и количества добываемых животных. Указанные права реализуются по согласованию с органами охраны животного мира на федеральном и территориальном уровнях. Государственная поддержка включает государственные гарантии,

дотации, компенсации повышенных затрат, льготное кредитование, а также освобождение от налогов и льгот по обязательным платежам в региональные целевые бюджетные фонды для лиц и организаций, занятых морским зверобойным промыслом. Кроме того, законом предусмотрены разработка региональных целевых программ развития, финансирование научно-исследовательских работ и подготовки кадров для морского зверобойного промысла.

Закон успешно реализуется и уже во многом способствовал возрождению морского зверобойного промысла у коренных жителей приморских поселков Восточной Чукотки.

- 1 Колтащиков Л. А. Таймырская популяция дикого северного оленя (биологические основы управления и устойчивого использования ресурсов). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора биол. наук. Норильск, 2000.
- 2 Зиланов В. К. Основы концепции морской рыболовной политики России // Рыбное хозяйство, 2001, № 3. С. 4-7.
- 3 Наумкин Д., Коротаев Ю., Попова Л. Тихоокеанские лососи Чукотки // Рыбное хозяйство, 2000, № 1. С. 43-44.
- 4 Кляшторин Л. Б. Тихоокеанские лососи: климат и динамика запасов // Рыбное хозяйство, 2000, № 4. С. 32-34.
- 5 Notzke, Claudia. Aboriginal peoples and natural resources in Canada. Captus University publication, 1994, 336 pp.
- 6 Osherenko G. Sharing power with native users: co-management regimes for Arctic wildlife // Canadian Arctic Resources Committee Policy Paper № 5, 1988, pp. 1-44.
- 7 Osherenko G. Указ. соч.
- 8 Freeman M.M.R., Carbyn L.N. (eds). Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication № 23. Edmonton, 1988. 125 p.; Pinkerton, E. (ed.). Co-Operative Management of Local Fisheries. New Directions for Improved Management and Community Development. Vancouver, 1989; Cizek, Petr. The Beverly – Kaminuriak Caribou Management Board. A Case Study of Aboriginal Participation in Resource Management. Canadian Arctic Resources Committee background papers № 1, Ottawa, 1990. 30 p. и др.
- 9 Notzke, указ. соч.
- 10 Bjorklund, I. Sami Reindeer Pastoralism as an Indigenous Resource Management System in Northern Norway. In: Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication № 23, Edmonton, 1988, p. 105-124.
- 11 Bell R. K. 1994. Indigenous Knowledges, Sustainable Development and Cooperative Management (The FJMC Experience). Arctic Environment. Report on The Seminar On Integration of Indigenous Peoples Knowledge. Reykyavik, 1994.
- 12 Райгородецкий Ф. Традиционное экологическое знание и «западная» наука: интегративный подход для решения проблемы глобального кризиса окружающей среды // Живая Арктика, 2000, № 1 (13). С. 23-28.

- ¹³ Science for the Twenty-First Century. A New Commitment. World Conference on Science, Budapest, 1999. Principal Documents. Paris, UNESCO, 2000. 47 p.
- ¹⁴ Usher, Peter J. Traditional Ecological Knowledge in Environmental Assessment and Management // Arctic, 2000, vol. 53, № 2 (June), pp. 183-193.
- ¹⁵ Usher, указ. соч.
- ¹⁶ Roue, M., Nakasima, D. Pour qui préserver la biodiversité? // Journ. d'Agric. Trad. et de Bota. Appl., nouvelle serie, 1994, Vol. XXXVI (2). P. 211-235.
- ¹⁷ Andrews, Thomas A. Selected Bibliography of Native Resource Management Systems and Native Knowledge of the Environment // Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication № 23, Edmonton, 1988. P. 105-204; Freeman M.M.R. The nature and utility of traditional ecological knowledge // Northern Perspectives, 1992, vol. 20, № 1. P. 9-12; Nakasima, D. Conceptualizing nature: the cultural context of resource management // Nature & Resources. 1998. Vol. 34, № 2; Usher, указ. соч. и др.
- ¹⁸ Методам сотрудничества между учеными и общинами коренного населения посвящена статья Гейл Фондейл в этом сборнике.
- ¹⁹ Tournier, Michel. Vendredi ou les limbes du Pacifique, 1967; Jaulin, Robert. La paix blanche. Introduction à l'ethnocide. Paris, 1970, 426; Savarin, Anne-Marie et Meunier, Jacques. Le mythe de Vendredi. // Jaulin Robert (ed.). Le livre blanc de l'ethnocide en Amérique. L'ethnocide à travers Les Amériques. 1972, p. 227-272.; Navet, Eric. Ecocide et peuples naturels: le cas des Amérindiens subarctiques. Arctique horizon 2000. Les peuples chasseurs et éleveurs. Ed. de CNRS, Paris, 1991, p. 123-124. и др.
- ²⁰ Reichel-Dolmatoff, G. Le missionnaire face aux cultures indiennes. Le livre blanc de l'ethnocide en Amérique. L'ethnocide à travers les Amériques. Textes et documents réunis par Robert Jaulin. Paris, 1972, p. 352-353.
- ²¹ Nakasima, 1998, указ. соч.
- ²² Nakasima, 1998, указ. соч.
- ²³ Выступление председателя Чукотэкологии В. М. Шелухина. // Текущие вопросы морского зверобойного промысла и его развитие на 2000 год. Семинар-совещание морских зверобоев Чукотки. Св. Лаврентия. 3-4 августа 1999 года. Стенограмма. Анадырь, Изд. дом «Чукотка», 1999. С. 5-10.
- ²⁴ Роль национального смешанного товарищества «Наукан» в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки и выполнении наблюдений по изучению распределения гренландских китов в водах, омывающих Чукотский полуостров (Россия) в 1995 г. Отчет НСТ «Наукан», подготовленный для Департамента управления животным миром Правительства Северного Склона. Барроу, Аляска, США. 1997 (на русском и английском языках).
- ²⁵ Етылен В. Чукотский союз морских зверобоев: роль охотников на моржа в промысловом мониторинге. Труды симпозиума по мониторингу добычи моржа на Аляске и Чукотке. Ном, сентябрь 1998. С. 37-39.
- ²⁶ Мониторинг промысла моржа на Чукотке в 1999 году. Технический отчет. Лаврентия – Провиденция – Анадырь, 2000.

- ²⁷ Роль национального смешанного товарищества «Наукан» в развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки, а также результаты береговых наблюдений 1994 года распределения гренландских китов в водах, омывающих Чукотский полуостров (Россия). Отчет НСТ «Наукан», подготовленный для Департамента управления животным миром Правительства Северного Склона. Барроу, Аляска, США. 1995 (на русском и английском языках).
- ²⁸ Доклад генерального директора Союза морских зверобоев Чукотки Тотто Ю. М. // Текущие вопросы морского зверобойного промысла и его развитие на 2000 год. Семинар-совещание морских зверобоев Чукотки. Св. Лаврентия. 3-4 августа 1999 года. Стенограмма. Анадырь, Изд. дом «Чукотка», 1999. С. 5-10.